

Неопубликованное письмо профессора Ф. П. Федорова об исторической прозе Русского зарубежья

Pavel Glushakov

Независимый исследователь

Рига (Латвия)

Independent Researcher

Riga (Latvia)

E-mail: pavel.glushakov@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0006-5179-5458rg>

Резюме. Публикуется письмо профессора Ф. П. Федорова, в котором он подробно высказывается о диссертационном исследовании, посвященном исторической прозе в литературе эмиграции. Письмо представляет интерес не только как знак внимания ученого к работе молодого коллеги, но и теми размышлениями, которые являются глубоким аналитическим разбором темы исторической прозы в литературе Русского зарубежья. По сути, этот текст является вполне самостоятельным высказыванием ученого на тему, остающуюся до сих пор не вполне проясненной в литературной науке. Широкие обобщения и ценные выводы делают это письмо важным фактом не только в деле поддержания памяти об ушедшем исследователе, но и намечают перспективные пути для изучения литературы эмиграции в Латвии.

Ключевые слова: Федоров, эмиграция, историческая проза, Латвия, письмо, публикация.

Unpublished letter from Professor F. P. Fedorov about the historical prose of the Russian Diaspora

Abstract. A letter by Professor F. Fedorov is published, in which he speaks in detail about a dissertation research devoted to historical prose in the literature of emigration. The letter is of interest not only as a sign of the scientist's attention to the work of a young colleague, but also for those reflections that are a deep analytical analysis of the topic of historical prose in the literature of the Russian Diaspora. In fact, this text is a completely independent statement of a scientist on a topic that has not yet been fully clarified in literary science.

Broad generalizations and valuable conclusions make this letter an important fact not only in maintaining the memory of the deceased researcher, but also outline promising ways for studying the literature of emigration in Latvia.

Keywords: Fedorov, emigration, historical prose, Latvia, letter, publication..

Nepaskelbtas profesoriaus F. P. Fiodorovo laiškas apie rusų išeivijos istorinę prozą

Santrauka. Skelbiamas profesoriaus F. Fiodorovo laiškas, kuriame jis išsamiai pasakoja apie disertacinį tyrimą, skirtą istorinei prozai rusų emigracijos literatūroje. Laiškas įdomus ne tik kaip mokslininko dėmesio jaunojo kolegės darbui ženklas, bet ir tais pamąstymais, kurie yra gili analitinė Rusų išeivijos literatūroje istorinės prozos temos

Received: 20/07/2022. **Accepted:** 01/04/2023

Copyright © 2023 Pavel Glushakov. Published by Vilnius University Press

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

analizē. Iš esmēs šis teksts yra visiškai savarankiškas mokslininko pasisakymas tema, kuri literatūros moksle dar nėra iki galo išaiškinta.

Platūs apibendrinimai ir vertingos išvados daro šį laišką svarbiu faktu ne tik palaikant mirusio mokslininko atminimą, bet ir nubrėžia perspektyvius išsivijos literatūros tyrimo Latvijoje kelius.

Reikšminiai žodžiai: Fiodorov, emigracija, istorinė proza, Latvija, laiškas, publikacija.

В феврале 2007 г. я получил из Даугавпилса письмо от профессора Федора Полиевктовича Федорова (1939–2020). Письмо это представляет интерес не только как знак внимания маститого ученого к диссертационному исследованию молодого коллеги, но и теми размышлениями, которые выходят далеко за рамки эпистолярного жанра, являясь глубоким аналитическим разбором темы исторической прозы в литературе Русского зарубежья.

История этого письма вкратце такова: к началу 2007 г. мной в целом была написана диссертация на тему «Жанры исторической прозы в литературе Русского зарубежья (20–30-е гг. в Латвии)». Понимая, что такого рода работа в силу ряда причин (новизна темы, неразработанность методологии, сложность с выбором корпуса основных источников и т.д.) нуждается в оценке по пресловутому «гамбургскому счету», я обратился к непререкаемому авторитету в области русистики – профессору Даугавпилсского университета Ф. П. Федорову – с просьбой прочитать диссертацию и высказать свое мнение о ее завершенности и целостности. Я планировал получить краткий ответ с одобрением или критикой, однако датированное 11 февраля письмо стало для меня неожиданным подарком. Федоров не просто дал оценку диссертации, он – будучи по типу своего научного таланта ученым универсального, энциклопедического склада¹ – сделал ценное высказывание, не потерявшее своего значения и поныне.

Публикуемое ниже письмо Федорова легло в основу его официального отзыва как одного из оппонентов состоявшейся в том же 2007 г. защите диссертации. При этом нужно подчеркнуть, что Федор Полиевктович (равно как и другие оппоненты: проф. Таллиннского университета И. З. Белобровцева и проф. Латвийского университета покойная ныне С. Радзобе) проявил замечательные человеческие качества, приехав на защиту, волею бюрократического случая назначенную на неудобную для всех дату.

Доброжелательность, открытость, принципиальность и непреклонность научных суждений – все эти качества были в высокой степени присущи Федору Полиевктовичу, светлой памяти которого я посвящаю эту публикацию.

Письмо цитируется по оригиналу, хранящемуся в моем архиве. Купюры, сделанные в тексте, относятся к личной информации, содержащейся в письме.

¹ Свидетельством поистине энциклопедических интересов ученого стала его полная библиография (Федоров 2021).

* * *

Ф. П. Федоров – П. С. Глушакову

11.02.2007

Дорогой Павел Сергеевич!

Как и обещал, рукопись Вашу прочел. Много в диссертации было мне известно по Вашим статьям и выступлениям у нас на семинарах и конференциях. Но многое стало и открытием. В контексте все видится по-иному. Потому сразу же буду говорить не о частностях (о них – тоже, но потом), а о целом. Это должно успокоить Ваше волнение (напрасное!), потому что целостность есть, диссертация – есть. И больше: есть исследовательский сюжет, выходящий далеко за рамки такого обязательного сочинения, каким является диссертация.

Русистика постсоветского периода сосредоточила преимущественное внимание на литературе эмиграции (Русского зарубежья) и литературе Серебряного века, что совершенно естественно, поскольку в пространстве Советского Союза эти культурные миры были или закрыты почти полностью (как Русское зарубежье, когда через «реабилитационную» машину прошли лишь отдельные авторы, и то не в полном своем виде), или полуоткрыты, т.е. открыты до определенных границ, как Серебряный век. Также совершенно естественно, что 20-летний период этих исследований (если отправной точкой считать 1986 год, год начала «перестройки», когда были почти сняты жесткие цензурные запреты) не мог не быть периодом энтузиастической сосредоточенности на ключевых явлениях русской эмиграции, на художниках первого ряда, на тех, без которых немислима русская литература в целом, а не только литература эмиграции. И лишь постепенно стали осваивать второй и третий ряды в системе сложившихся, заостеневших представлений. История литературы русской эмиграции только стала создаваться, и создание ее требует усилий не одного поколения. Тем более необходимо приветствовать каждое совершающееся на наших глазах исследовательское усилие. Почему надо приветствовать Ваше исследование?

Во-первых, потому, что это результат энергичной работы, которую Вы вели в течение последних лет и которая воплотилась в публикациях², осуществленных едва ли не на всех континентах и едва ли не во всех мировых центрах, от Токио и Сеула до Парижа и Гранады, от Петербурга и Москвы до Бийска. Я уже не говорю о Даугавпилсе.

Во-вторых, вызывает уважение список той научной литературы, которая была предметом изучения, переживания и цитирования. Это 385 работ – совершенно готовая библиография, которая будет полезна для студентов.

В-третьих, характер Ваших публикаций свидетельствуют о том, что Вы в течение нескольких лет прошли путь от наблюдений над отдельными фактами к их историко-теоретическому обобщению, что является знаком очевидного становления настоящего ученого.

² Полную библиографию см. (Глушаков, 2022, с. 58–61).

В-четвертых, прочитанные мной главы посвящены литературе русской диаспоры Латвии, прежде всего, творчеству С. Минцлова. И хотя в этом плане у Вас и были предшественники³, тем не менее именно в Вашем материале предпринята попытка достаточно целостного анализа такого явления, как историческая проза Минцлова в ее различных обликах и в обширном контексте, а также прозы других авторов.

В-пятых, работа Ваша провоцирует размышления, что происходит далеко не всегда в процессе чтения таких формально устроенных сочинений.

Исходя из этого, я с полной уверенностью говорю то, что повторю (и не без должного пафоса) на Вашей защите, что исследование заслуживает степени доктора филологии и члены промоционного совета могут с чистой совестью проголосовать за ее присуждение. И, голубчики, проголосуют!

А теперь я позволю себе высказать некоторые соображения, которые могут быть Вам полезны.

Первое. Естественно, столицей Русского зарубежья после кратковременного берлинского периода был Париж; в Париже был сосредоточен едва ли не весь цвет эмиграции; в Париже создавались репутации, а также и разрушались. Из Парижа шли творческие импульсы во все региональные центры. Региональные центры русской эмиграции, даже самые крупные, такие, как Прага, как Белград, как Харбин и т.д., вне парижского воздействия, вне активного диалога с Парижем обрекали себя в большей или меньшей степени на провинциальную замкнутость. В этой связи возникает весьма важный вопрос: что же собой представляет русская литературная диаспора Латвии? Каково ее место в пространстве Русского зарубежья?⁴ Естественно, каждое литературное явление должно быть предметом всестороннего изучения; и это изучение у нас только начинается, будь то Минцлов, Задонский, Галич и т.д. и т.п., и оно может быть и должно быть более активным и системным. Но я об этом говорю в связи с одним постулатом диссертации. Если С. Минцлов с его «архаическим» художественным языком становится популярным писателем, то это продиктовано не тем, что минцловская версия исторического романа выдвинулась на авансцену

³ Естественно, что мое исследование опиралось на труды Ю. И. Абызова, А. В. Блюма, О. Г. Ласунского.

⁴ Так как диссертация была посвящена частной проблеме литературной эмиграции в Латвии, эта общая характеристика не нашла своего места в основном тексте работы. В общих чертах проблема выглядит так: историко-культурная ситуация, сложившаяся после октябрьских потрясений 1917 г. на территории Латвии, существенно отличалась от того феномена, который привычно именуется Русским Зарубежьем. Главное отличие заключается в том, что русские люди, осевшие на территории новообразованного государства, не были, собственно, *эмигрантами*. Дело в том, что процент русских жителей на территориях Прибалтики (Эстляндии и Лифляндии, в особенности) и до 1917 г. был сравнительно велик: здесь проживало большое число старообрядцев, а также существенное число городского населения, особенно пополнившегося в 80–90-е гг. XIX в., когда усилились государственные тенденции к русификации. Кроме этого, балтийские курорты на протяжении уже очень большого времени «приучили» воспринимать эту территорию в качестве «своей» для немалого числа петербуржцев и москвичей. Наконец, Латвия, не имевшая прежде своей государственности, не осознавалась (на первых порах, как минимум) в качестве «отдельного» государства, тем более что молодая республика давала русскому населению весьма широкие права (вплоть до 1934 г.). Русские (или шире – люди русской культуры, так как число евреев, «русскоязычных» немцев было традиционно велико) были здесь национальным меньшинством, частью единой и не вполне сформировавшейся государственной общности, а не эмигрантами, бесприютными и чужими для большинства территорий, где оказались беженцы из России.

литературного, культурного процесса, а тем, что сознание русского читателя Латвии оказалось архаизированным сознанием, не адекватным, условно говоря, парижскому, то есть современному в полном смысле слова сознанию.

Тот, кого читает публика, тот и определяет тезаурус этой публики, единичные исключения не противоречат этому правилу. Что же касается читательской рецепции, то она позволяет осознать границы культурного сознания – в данном случае русской диаспоры Латвии. Взаимодействие этих двух факторов – творческого и потребительского – определяет лицо того или иного эмигрантского ареала.

Весьма, на мой взгляд, проблематично влечение в «латвийскую ветвь» таких авторов как И. Лукаш и Л. Зуров, чье пребывание в Латвии было кратковременным; также проблематично и утверждение, что их творчество не попало в поле зрения исследователей, хотя бы тот факт, что творчество Л. Зурова попало в поле зрения И. Белобровцевой⁵, не позволяет говорить столь категорично. Так же и И. Лукаш находится в поле зрения московских исследователей. Непонятно, почему не указан в библиографии и небольшой сборник «Иван Лукаш: приближение к творчеству», подготовленный к печати Э. Мекшем по материалам семинара, прошедшего в июле 2004 г., и вышедший в свет в январе 2006 г., где, кстати говоря, есть две статьи о Лукаше Э. Мекша и статья самого П. Глушакова. Знаете такого автора?

Еще более проблематично и присутствие в этом тексте П. Краснова⁶ и И. Наживина.

С моей точки зрения, наиболее проблемно-уязвимой является Первый раздел, первая глава Второго раздела „Vēsturiskais romāns krievu trimdas literatūrā” и некоторые теоретические высказывания в других местах, которым Вы придаете основополагающее значение (вообще – Вы правы, когда сказали недавно мне, что теория – не Ваш конек. В эмпирическом материале чувствуется раскрепощенность и даже аналитический размах; в теоретических «вставках» этого нет. Понятно, что жанр диктует, но Вы ему не подчиняйтесь!).

Начну с некоторых общих утверждений.

Непонятно, что значит фраза о кризисе традиционной историографии, которым объясняется красновская модель исторического романа. О каком кризисе историографии может идти речь, если действующим историографом до своей смерти (1911) оставался великий В. Ключевский, если лицо историографии определяли его выдающиеся ученики А. Кизеветтер, Г. Вернадский, М. Карпович. Отнюдь не последнюю роль в историографии играл и П. Милюков. Естественно, историческая

⁵ См. обобщающую книгу (Белобровцева, 2020).

⁶ На это же мне указывал другой внимательный критик моей диссертации – В. Я. Курбатов, писавший о романе П. Краснова «За чертополохом»: «Я не читал анализируемого Вами романа П. Краснова, но цитаты так скучны и генеральски “поэтичны”, что вызывают скорее смущение, чем желание прочесть это капризное сочинение. Я вообще не люблю ни утопий, ни антиутопий. Жизнь так многообразна, глупа, умна, чудесна, страшна, что на нее не наглядеться. Оттого мне и исторические романы скучноваты, будь то Пикуль, Балашов, Алданов. Это внесение нынешних смыслов в ушедшую реальность, это запоздалое придание стройности минувшему хаосу, это тайное желание “проучить” свое время всегда немного отдает своеволием» (Глушаков, 2021, с. 429–438).

методология усложнялась, естественно, позитивистский объективизм стал прошлым, естественно, учтен был субъективный фактор в истории. Естественно, на историографию влияли историософские сочинения. Но историография продолжала оставаться *наукой* и никогда не поглощалась историософией.

Неясно, что значит *карамзинско-толстовское* направление в историографии⁷. Концепция Карамзина в «Истории государства Российского» и концепция Л. Толстого не только не близки, но противоположны. В этой же связи надо сказать о совершенно ошибочном представлении о «Воине и мире» как о произведении, в котором Толстой «целиком в той эпохе», т.е. александровско-наполеоновской эпохе. Толстой писал исторический роман, посредством которого объяснял современный ему русский мир. И ничуть не исправляет тезис о «той эпохе» дальнейшее уточнение, что современность для Толстого «не цель, а творческий метод». В сопоставительной схеме «старого» исторического романа и «нового» исторического романа много истинного, но и много неточностей, отмечу лишь совершенно очевидное: «исторический рассказ» в скобках уточняется как «новелла».

Совершенно непонятно, что значит определение третьего потока исторической прозы (мне не нравится отождествление терминов проза и беллетристика, в русской культурной традиции это достаточно разные вещи) как искусства слова в отличие от других потоков; другие потоки не есть искусство слова?

Наконец, совершенно неоправданно весь роман XIX века (старый роман) считать чем-то единым, восходящим к романтизму.

И здесь я хочу сказать следующее: исторический роман и т.п. не есть в литературе некое самостоятельное образование, отличное от других образований, например, «физиологического». И суть не в специфическом его развитии. А суть в том или ином типе культуры, типе сознания. Историю вводит в литературу предромантизм, а затем национальный романтизм, и для них история есть факт национальной модели жизни в противовес космополитическим моделям жизни прежних типов культуры; история изображается во имя национального самосознания. Тем не менее структура предромантического и романтического романов различны, как различны предромантизм и романтизм. Реалистический исторический роман в основе своей имеет

⁷ В работе утверждалось, что историческая беллетристика С. Р. Минцлова ориентирована на «старую» историографическую школу, «карамзинско-толстовскую», по сути; писатель формировался в годы господства этой школы, тогда как новые «прогрессистские» концепции, согласно которым история определяется факторами «народности» и «социально-экономическими закономерностями», для беллетриста оказались совершенно незначимыми. Минцлова интересует *лицо* (личность) и *случай*, понимаемый как «воля непредопределенности», чудесное и мифическое. Исторический роман в таком понимании – выражение мироощущения человека прошлого, реализующего себя в предложенных судьбой обстоятельствах с максимально возможной нравственной отдачей. Это не «человек прошлого», а человек «в данных обстоятельствах». Даже эпизодические в романах «выдающиеся» личности (литовские князья, Петр Великий, Борис Годунов и др.) – только «механизм» воплощения события, посредством этих личностей «высшее предопределение» назначает человеку испытания («волево», личностно-субъективное здесь максимально ослаблено). Потому, например, историческая проза Минцлова почти напрочь лишена «рефлексии», внутренних монологов, философских размышлений и даже споров героев, а *действие* понимается как реализация «высшего предопределения» (с немалой «долей участия» «потусторонних» и нерациональных факторов), практически синонимичного «непознаваемости», а в глазах «непосвященных» – случайности.

ту же структуру и то же задание, что и неисторический роман (структура «Войны и мира» и «Анны Карениной» отличаются частными, но не основополагающими факторами). Но XIX век выдвигает еще один тип исторического романа, чрезвычайно распространенный, это бидермайеровский роман (в том числе неоромантический), в котором функция истории заключена в оппонировании современности. Наконец, история в модернистском романе становится одним из инструментов мифотворения, и здесь Вы правы совершенно.

Я думаю, что многие неточности в исследовании порождены тем, что в главах, в которых речь идет об общих проблемах, Вы избрали принцип постулирования (от постулата), принцип декларации определенных положений, но пренебрегли структурным анализом текстов. Поэтому, кстати говоря, в огромном библиографическом списке почти отсутствует теоретическая литература (из теоретиков названы лишь Тынянов и Лотман, и в случае с Лотманом работы, касающиеся биографии).

...Итак, работа состоялась. Ее надо в будущем издавать в виде монографии⁸. Я вообще считаю, что неизданная диссертация подобна такому «пустому выхлопу». Не для диссертационного же совета Вы ее писали! Да и к тому же изданная отдельной книгой она еще раз подчеркнет, что наша латвийская русистика не лыком шита! Приятно, прямо скажу!

До встречи на защите! <...>

Ваш Ф. Федоров

Литература

- Белобровцева, И.З., 2020. *Леонид Зуров. В тени Бунина*. Москва: Азбуковник.
- Глушаков, П.С., 2021. «Пора и оглянуться в себе»: шесть писем В.Я. Курбатова. *Текст и традиция*. / Гл. ред. Е. Водолазкин. Т. 9. Санкт-Петербург: Росток, с. 429–438.
- Глушаков, П.С., 2022. *Исследователи Русского зарубежья: биобиблиографический справочник*, 3. Москва: Директ-Медиа.
- Федоров, Ф.П., 2021. *Zinātnieku biobibliogrāfija. Latvijas Zinātņu akadēmijas korespondētājloceklis, emeritātais profesors, Dr. habil. philol. Fjodors Fjodorovs. Biobibliogrāfija*. Daugavpils: Saule.

References

- Belobrovceva, I.Z., 2020. *Leonid Zurov. V teni Bunina*. [Leonid Zurov. In the shadow of Bunin]. Moscow: Azbukovnik Publ.
- Glushakov, P.S., 2021. “Pora i oglyanut’sya v sebe...”: shest’ pisem V.Ya. Kurbatova. [“It’s time to look back in yourself”: six letters of V.Y. Kurbatov]. In: E. Vodolazkin, ed. *Tekst i traditsiya*. [Text and tradition], vol. 9. St. Petersburg: Rostok Publ., pp. 429–438.
- Glushakov, P.S., 2022. *Issledovateli Russkogo zarubezh’ya: biobibliograficheskii spravochnik*, 3. [Researchers of the Russian Diaspora: Bio-Bibliographic Reference, 3]. Moscow: Directt-Media Publ.
- Fedorov, F.P., 2021. *Zinātnieku biobibliogrāfija. Latvijas Zinātņu akadēmijas korespondētājloceklis, emeritātais profesors, Dr. habil. philol. Fjodors Fjodorovs. Biobibliogrāfija*. [Bibliography of scientists. Corresponding member of the Latvian Academy of Sciences. Emeritus Professor Fedor Fedorov]. Daugavpils: Saule Publ.

⁸ Диссертация, написанная на латышском языке, к сожалению, издана не была.